

Ю. Н. Сударев

Размышления о лекторском искусстве

В этом году исполняется шестьдесят лет моей педагогической деятельности. Большую часть этих лет я читал самые разнообразные лекции.

Пятьдесят лет я читал курс высшей математики на биологическом факультете МГУ. Я читал объединённый курс мат. анализа на вечернем отделении мех-мата, сначала — для инженерного потока, потом — для потока военных.

Я не помню точно, как именно назывался этот курс. Я назвал его здесь объединённым, поскольку кроме мат. анализа он включал в себя элементы теории функций комплексного переменного и функционального анализа. Кроме того, я читал на мех-мате спец. курс «Асимптотические методы в анализе», курсы дифференциальных уравнений и теории групп на химическом факультете МГУ. Я читал также лекции в Городском Институте Усовершенствования Учителей.

За эти годы я убедился, что чтение лекций — это на самом деле целое искусство, где есть свои законы и тонкости, понятные только специалистам, да и то не всем.

Завершая свой жизненный путь, я хотел бы поделиться своими соображениями на этот счёт. Быть может, они окажутся полезными кому-то из лекторов, особенно молодых, которые только начинают свою лекторскую деятельность.

Первое и совершенно обязательное требование к лектору — он должен досконально знать предмет, который излагает. Далее, есть одна манера чтения лекций, которую следует отвергнуть категорически.

В девяностые годы я вёл занятия на подготовительных курсах психологического факультета МГУ. И вот однажды я заглянул в аудиторию, где шла, как я понял, лекция. Сидят скупающие студенты. На возвышении, за столом, сидит лектор и читает по тетрадке некий текст. Т. е. он читал лекцию в буквальном смысле этого слова.

Нечто подобное было и у нас на кафедре в шестидесятые годы. Тогда лекции на химическом факультете читал наш профессор Лев Абрамович Тумаркин. Поскольку подходящих учебников тогда не было, то его лекции состояли в том, что он диктовал студентам текст, который они записывали, а потом дома должны были по этому тексту изучать математику. Тогда даже ходила среди студентов шуточная песенка: «Лев Абрамыч,, скоро ль кончишь диктовать?».

Конечно, это то, что лежит, так сказать, на поверхности. Но есть и более глубинные и важные вещи.

У обывателей, к которым я, безусловно, отношу и наших чиновников от образования, бытует мнение, что чем крупнее учёный, тем лучше он может преподать материал, тем лучше он прочитает лекцию. На самом деле, это далеко не так. Научная работа и преподавание — это разные сферы деятельности, которые требуют разных качеств от человека. Конечно, бывают счастливые исключения, когда человек успешно проявляет себя в обеих этих сферах, но это всё же исключения, а не правило.

Всё, о чём я буду говорить далее, относится прежде всего к тем лекторам, которые читают лекции большой аудитории (курсу или, по крайней мере, потоку).

Прежде всего, я утверждаю, что каждый лектор независимо от того, понимает он это или нет, хочет он этого или нет, является, помимо всего прочего, ещё и артистом в театре одного актёра. Поэтому на его лекциях действуют законы сцены. Здесь важно всё: как он выглядит, как держится, как говорит. Большое значение имеет даже тембр его голоса. Вот он вошёл в аудиторию, только начал говорить, а у зрителей (т. е. слушателей) уже стало подсознательно складываться отношение к нему — симпатия или антипатия.

Здесь я хочу вспомнить один эпизод из моей жизни. Я учился в десятом (тогдашнем выпускном) классе и готовился к поступлению в МГУ. Для школьников тогда на Мухомовой по воскресениям читались лекции по математике и физике. Продавались соответствующие абонементы. Эти курсы существенно помогли мне привести в порядок мои школьные знания. Лекторы там были самые разнообразные. Один лектор мне особенно запомнился. Звали его Юрий Фомич Мэтт. Какой именно раздел алгебры он разбирал, я уже не помню, но запомнилась его манера чтения лекций. Содержательный материал он перемежал разными байками про НЛЮ, паранормальные явления и т. п. Мы все сидели, что называется, раскрыв рты и внимали всему, что он «вещал». Сейчас, конечно, ясно, что всё это была ерунда, но безусловно здесь присутствовал артистизм и умение владеть вниманием аудитории.

На тех же курсах был и антипод Юрия Фомича по фамилии Буховцев. Это была абсолютно унылая и бесцветная личность. Он говорил тоскливым голосом: «Знания надо вы-ы-страдать. Знания надо вы-ы-страдать.» От такой лекции буквально хотелось удавиться.

Основным инструментом лектора, очевидно, является его речь. Оставим в стороне содержательную, математическую, часть речи и поговорим о речи как таковой, о её грамотности и выразительности.

Рассказывают, что однажды император Николай Первый спросил фи-

лолога Греча: «А скажи, Греч, для чего нужна буква «ять»?» «А для того, Ваше Императорское Величество, — ответил Греч, — чтобы отличить грамотного от неграмотного». Ответ был достаточно дерзким. Мол, если ты задаёшь такой вопрос, то, видно, и сам ты не слишком грамотен. Но император сделал вид, что не заметил дерзости.

В наше время для того, чтобы отличить грамотного от неграмотного буква «ять» не требуется. Достаточно заглянуть в Интернет, в социальные сети, чтобы обнаружить чудовищную безграмотность, грубейшие орфографические ошибки, полное неумение выразить свою мысль.

В советские времена передачи по радио и телевидению вели дикторы, которые хорошо поставленными голосами читали заранее утверждённые тексты на правильном литературном языке, за чем следили специальные редакторы. Если бы кто-нибудь из дикторов позволил себе ляпнуть какую-нибудь отсебятину, его бы тут же уволили. В школе основательно изучалась классическая русская литература. Поневоле грамотность проникала в сознание людей, что, разумеется, отражалось и на их речи.

С развалом страны вместо дикторов пришли так называемые ведущие, которые говорили как попало, употребляя и всякие жаргонные словечки. Эти журналисты - ведущие стали одним из основных источников распространения безграмотной речи. В нашей речи укоренились безграмотные выражения: «по-любому» вместо «в любом случае», «по факту» вместо «фактически», «волнительно» вместо «волнующе». Кто-то из русских писателей назвал «волнительно» подлым актёрским словом.

Недавно стали употреблять вместо слова «последний» слово «крайний»: «крайнее время», «крайний раз». Видимо, это взято из какого-то местного говора. И уж совсем режет ухо, когда какой-нибудь эксперт говорит с телевизионного экрана «залазит» и «вылазит» вместо «залезает» и «вылезает». Раньше такое можно было услышать только в самых необразованных слоях общества. Бывает ещё, что кто-нибудь сознательно искажает общепринятые выражения. Так, вместо «имеет место» говорят «имеет место быть», вместо «потому что» говорят «потому как», вместо «что касается» — «что касасемо». Может быть, формально это и не является грамматическими ошибками, но здесь явно видно желание, что называется, «выпендриться», сказать не так, как все и, тем самым, самоутвердиться.

Актриса Гузеева, став телеведущей, в одной из своих передач назвала женщину «манкой». Не знаю, сама ли она придумала это слово-урод или у кого-нибудь позаимствовала, но оно свидетельствует о полном невладении своим родным языком. Ведь, в русском языке имеется целый ряд слов, выражающих ту же мысль, причём, с разными оттенками: симпатичная, привлекательная, очаровательная и т. д. Так нет же, манкая!

(Так и подмывает спросить: а почему не «пшёнковая», почему не «овсянковая»?)

Удивительно, как быстро распространяется какое-нибудь очередное словесное уродство. Стоит одному публично использовать его, как оно подхватывается десятками людей. Всё это напоминает распространение какого-то вирусного заболевания. Так, в самое последнее время вместо «совсем нет» стали говорить «нет от слова совсем». Видимо, это взято из молодёжного жаргона. Грустно наблюдать, как уважаемые люди, в чьём образовании и грамотности не приходится сомневаться, повторяют эту дрянь, думая, вероятно, что таким образом они оживляют свою речь, хотя на самом деле результат прямо противоположен.

Помимо общей деградации грамотности и культуры речи к нам пришла ещё одна напасть. С начала девяностых, когда мы собирались «вписаться в Запад», на нас, как из помойного ведра, хлынул поток англоязычного жаргона.

Начиналось всё с «окэй» и «вау», а потом пошло и поехало: булинг, троллинг, флэшмоб, хэштэг, хайп, фэйк и т. д. и т. п.

Конечно, информационные технологии начали развиваться на Западе раньше, чем у нас. Поэтому естественно, что вся терминология в этой области основана на английском языке. Но речь то идёт не о научной терминологии, а о бытовой лексике, Увы! Здесь тоже самым главным распространителем этой вредной тенденции являются наши СМИ. Всевозможные журналисты, телеведущие, политологи активно тиражируют весь этот англоязычный мусор.

Все они вдруг стали активно использовать абсолютно чуждый нашему языку глагол «тролить». А что, разве в русском языке нет подходящих глаголов? Как бы не так! Например, насмехаться, издеваться, подначивать и т. п. Почему вместо русского слова «ложь» все стали употреблять слово «фэйк»? Только и слышишь его по телевизору. Наши политологи полюбили слово «нарратив» и без конца его употребляют. Собственно говоря, «нарратив» означает повествование. Политологи употребляют его в смысле: публично выражаемая, а часто и активно навязываемая точка зрения. Например: «Нарратив наших противников такой-то». Ведь, можно же сказать: «Наши противники утверждают следующее»?

Ещё Корней Чуковский иронизировал по поводу наших литературоведов, которые перенасыщали свои «творения» научной терминологией, дабы за частоколом этих терминов скрыть пустоту содержания.

Вносят свою лепту и наши государственные деятели. «Данные коммерческие структуры аффилированы с местной администрацией». «Нам нужна большая транспарентность». Вместо: «Данные коммерческие струк-

туры связаны с местной администрацией». «Нам нужна большая прозрачность». Сюда же относится и пресловутый «вектор развития». Я подозреваю, что многие из тех, кто произносят эти слова, очень смутно представляют себе, что такое вектор.

Наши фирмы, магазины, кафе стремятся называться «по-иностранному». Например, наша фирма, изготавливающая разнообразную одежду, носит название «Финк флеа», хотя никакого отношения к Финляндии не имеет. Эту тенденцию высмеивал в своих выступлениях наш покойный сатирик Задорнов. Так, во Владивостоке он увидел магазин, торговавший женскими лифчиками, который носил название «Сиси хаус». Лично я обедал в Петербурге в заведении, которое называлось «Блин Дональдс». По дороге на работу я проезжаю по улице Намёткина. Там строится невыразительное здание под названием «Намёткин тауэр».

В чём же причина этого бедствия, обрушившегося на нашу речь? Мне кажется, что за триста лет, начиная с Петра Первого, в нашем подсознании крепко укоренилось убеждение в том, что на Западе — всё лучшее и передовое, а у нас — всё отсталое и доморощенное. Конечно, жизнь давала поводы для такого представления. Промышленная революция произошла на Западе раньше, чем у нас. Там раньше развилась современная наука. Однако, убеждение, о котором я сказал выше, приняло абсолютный, гипертрофированный характер. Человек может даже не осознавать его, но внутреннее чувство будет подсказывать ему, что выражаясь «по-иностранному», он повысит свой статус, свой престиж.

В связи с вопросом, почему же в нашей речи так легко приживается всё плохое и с таким трудом что-нибудь хорошее, мне невольно вспоминается евангельское, правда, сказанное совершенно по другому поводу: «Узка тропа, ведущая в жизнь, и мало кто идёт по ней, но широка дорога к погибели, и многие идут по ней».

Я задаю себе вопрос: а кто из наших общественных и государственных деятелей мог бы служить образцом правильной русской речи? И мне в голову приходит лишь одна кандидатура — это наш Патриарх. Он говорит приятным, хорошо поставленным голосом, говорит убедительно на абсолютно правильном русском литературном языке. Неплохо говорят и другие священнослужители, появляющиеся на наших телеэкранах. Но они же учились этому в своих духовных учебных заведениях. Там был специальный курс риторики.

Разумеется, речь является отражением сознания общества. Увы! Полуграмотная речь, засорённая невероятным количеством англоязычного жаргона, тоже соответствует состоянию нашего общества. Конечно, с изменением общества будет меняться и она, но на это потребуются долгие годы.

Для чего я здесь так подробно останавливаюсь на всём этом? Мне хотелось бы, чтобы каждая лекция, помимо всего прочего, была бы ещё и маленьким островком правильной и выразительной русской речи в море словесного мусора.

Теперь поговорим ещё об одной характеристике речи — о её громкости. Когда я начинал лекторскую деятельность, в аудиториях не было никаких микрофонов. Поэтому в больших аудиториях, таких как, например, биофаковская ББА или мехматская 16-10, приходилось читать громко, чтобы всё было хорошо слышно на последнем ряду. Мои близкие часто говорили мне: «Что ты кричишь? Говори тише». А я и не кричал вовсе. Просто голос, которым я читал лекции, стал моим натуральным, повседневным голосом.

В семидесятые годы я занимался переводом книг по занимательной математике в издательстве «Мир». Редактриса, с которой я работал, Ариадна Георгиевна, дама непростая и манерная, говорила: «Ах, эта лекторская иерихонская труба!»

Однако, можно говорить громко, но невнятно, чему немало примеров даёт наше телевидение. Очень важную роль играет дикция, т. е. чёткое произнесение слов.

Когда я учился не помню уже в каком старшем классе, в нашу школу пришла женщина из расположенного рядом театра им. Вахтангова. Она беседовала с учениками, просила что-то прочесть. В результате, она пригласила меня заниматься в театральную студию при театре. Я занимался там несколько месяцев и даже участвовал в каких-то маленьких спектаклях, однако, скоро понял, что всё это не моё и ушёл оттуда. Но занятия в студии оказались не бесполезными. Там я научился специальным упражнениям, развивающим дикцию, которые сослужили мне добрую службу в дальнейшем.

И ещё я хочу упомянуть об одном часто встречающемся дефекте речи. Замечали ли вы, как человек, начав какую-то фразу, вдруг в середине прерывает её, произнося короткое (а порой и длинное) «э-э-э». Почему так происходит? Видимо, начав фразу, человеку потребовалось остановиться, чтобы обдумать, как её закончить. Наверное, нужно было бы сначала обдумать всю фразу и лишь потом её произносить. Этот недостаток присутствует у большинства публично выступающих людей, у одних — слегка, у других — в очень сильной форме. Такое впечатление, что некоторые выступающие считают этот недостаток свидетельством глубокомысленности своей речи. Разумеется, это портит впечатление от всего выступления. Этот недостаток, если он имеется, безусловно, должен быть устранён!

У некоторых преподавателей, возможно, возникал вопрос: зачем лек-

тор должен на доске записывать доказательство теоремы? Не проще ли записать его на чём-нибудь, а потом только показывать студентам? Доцент нашей кафедры, Олег Сергеевич Ивашёв-Мусатов, который читал лекции на биофаке потоку почвоведов, на своих лекциях развешивал плакаты, где были написаны определения предела функции и непрерывности в точке.

Был у нас на кафедре профессор Леонид Иванович Камынин. Он являлся специалистом по дифференциальным уравнениям и читал соответствующий спецкурс. А кроме того, он читал курс мат. анализа на одном из математических потоков. Для своих «диффурных» целей он старался доказывать разные теоремы при максимально общих условиях, что часто приводило к значительному усложнению доказательств. В итоге у него получился курс, огромный по объёму и совершенно неудобоваримый для студентов. Это создавало большие трудности на экзамене как для студентов, так и для экзаменаторов. Обычно, мы выслушивали ответ студента на билет, а потом на конкретных примерах пытались понять, разобрался студент в материале или нет. Леонид Иванович, видимо, и сам понимал сложность своего курса. Поэтому перед экзаменом он начинал выбрасывать целые куски из билетов.

Этот курс был издан в издательстве МГУ. На мой взгляд, он представлял собой очень хорошее пособие для лекторов, где можно было познакомиться с доказательствами теорем в максимальной общности.

Леонид Иванович решил не отставать от веяний времени. Поэтому он записал свой курс на целлулоидную ленту и с помощью проектора демонстрировал её на экране. Лента крутится, Леонид Иванович читает лекцию, а студенты занимаются своими делами. По моему мнению, подобный подход к чтению лекций в корне порочен. Мы в жизни встречаем на каждом шагу всевозможные афиши и плакаты и уже привыкли скользить по ним взглядом, не вникая в их смысл. То же самое будет происходить, если заранее размещать материал на плакатах или других носителях информации.

Когда лектор записывает на доске доказательство теоремы, то он невольно вовлекает в этот процесс студентов, которые становятся как бы «сотворцами» данной теоремы. Кроме того, здесь происходит ещё и общение с лектором как с человеком.

Вообще, контакты на протяжении пяти лет с преподавателями, общение со своими сокурсниками, когда выясняют, как решается такая-то задача или как нужно отвечать на такой-то билет на экзамене, составляют существенную часть обучения. Только поварившись в этом котле пять лет, выпускник и становится математиком. На всё это приходится тратить массу времени и сил. Поэтому, когда какая-нибудь фифа гово-

рит, что у неё три высших образования, можно с уверенностью сказать, что у неё нет ни одного настоящего.

Я часто замечал следующее. Вот, веду я семинар, дал студентам задачу для самостоятельного решения, а сам задумался о чём-то своём. И тут же то там, то сям начинается болтовня, смешки, короче говоря, семинар рассыпается. Почему так происходит? Дело в том, что когда преподаватель ведёт семинар или читает лекцию, он, сам того не замечая, посылает в аудиторию энергию, и чем больше аудитория, тем большую энергию надо затратить. На этой энергии всё и держится. И как только поток этой энергии прерывается, всё и начинает рассыпаться. Отсюда, кстати, и усталость, которая наступает после лекции, поскольку было затрачено много энергии.

Помню, как, будучи ещё аспирантом, я пришёл в аудиторию проводить свой первый в жизни семинар. Когда на меня уставилось несколько десятков глаз, мне стало не по себе. А сейчас я знаю, что, будь передо мною аудитория в двести человек или в две тысячи, я нисколько не буду волноваться и сумею овладеть вниманием аудитории.

Напоследок я хотел бы обратиться к молодым преподавателям, которые только начинают читать лекции. Если вы чувствуете, что чтение лекций — это не просто выполнение обязательной нагрузки, если вам нравится это занятие, если вы чувствуете, что это — ваше, то я бы очень советовал вам взять хотя бы несколько уроков сценической речи и постановки голоса. Это очень пригодится вам в дальнейшем. Думаю, что в интернете легко будет найти соответствующие предложения. И если что-то поначалу будет у вас не очень получаться, не смущайтесь. Как говорится, не боги горшки обжигают. И у нас не всё получалось, но потом пришло с опытом. Придёт и к вам. Пожелаю всем в этом больших успехов!